

КРЕСТОВСКИЕ БАШНИ

Два стража у Рижской заставы

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

**Крестовские башни. Два
стража у Рижской заставы**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Крестовские башни. Два стража у Рижской заставы /
С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Две крепости из красного кирпича у Рижской заставы, две тысячи тонн воды на сорокаметровой высоте, ажурный мостик над Ярославским шоссе — и тихий снос 1940 года. История Крестовских водонапорных башен Максима Геппенера и того, что оставила после себя рука мастера.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тяжёлые и неказистые	5
Глава 2. Вода для Москвы	7
Глава 3. Геппенер	9
Глава 4. Никому не нужны	11
Глава 5. 1940	14
Эпилог. Рижская	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Крестовские башни. Два стража у Рижской заставы

Глава 1. Тяжёлые и неказистые

У красоты бывает вкус, а у пользы — вес.

Крестовские водонапорные башни были **полезны**. Именно поэтому — **тяжелы**. Именно поэтому их невзлюбили.

Построили их в **1892 году** — в рамках большой реконструкции **Мытищинского водопровода**. Две. Из красного кирпича. Одна напротив другой, по обе стороны Ярославского шоссе, там, где сегодня шумит Рижская площадь и проходит Третье транспортное кольцо. Диаметр — **двадцать метров**. Высота — **сорок**. Не башни — **крепости**. Не крепости даже — **осадные орудия**, поставленные на землю и накрытые сверху.

Автор — русский архитектор немецкого происхождения **Максим Карлович Геппенер**. Родился **4 июня 1848 года**. Член Московского архитектурного общества. Специалист по **промышленной архитектуре** — тому делу, которое редко попадает в восторженные путеводители, но без которого город не живёт ни дня. Водопровод, канализация, насосные, депо, училища, богадельни. Всё то, что работает. Всё то, что замечают только тогда, когда оно ломается.

Коллеги отмечали у Геппенера один устойчивый **почерк**: конструкции **тяжеловесные угрюмы**. Он не искал лёгкости. Он искал прочности. Он строил так, будто Москве предстоит жить **вечной голодать** — **никогда**.

И вот Крестовские башни встали.

Сорок метров. Красный кирпич. Пять нижних этажей — жилые и служебные помещения, **контрольная станция водомеров**. В верхнем ярусе — два резервуара по **1850 кубических метров** каждый. Между башнями — **ажурный мостик**, тонкая металлическая нить, перекинутая через Ярославское шоссе. Через ту самую дорогу, по которой шли обозы, ехали извозчики, а спустя десятилетия поедут трамваи и автомобили. Для проезда под этим мостиком оставалось **двенадцать метров**. Двенадцать! На главной дороге, ведущей к Ярославлю, к

Троице-Сергиевой лавре, к северу. Двенадцать метров между двумя сорокаметровыми исполинами.

И вот тут началось то, что в архитектуре случается чаще, чем принято думать: **спор не о качестве — о вкусе.**

Башни получились **толстыми**. Из-за этого они казались **приземистыми**, будто выросли в землю. Из-за этого — **низкими**, хотя сорок метров по тем временам были высотой серьёзной. Архитекторы писали: несоразмерны. Непропорциональны. **Портят всю перспективу Первой Мещанской улицы**, упирающейся прямо в площадь Рижского вокзала. Проще говоря: стоят на видном месте и **не украшают**.

А горожане — они ведь смотрят не глазами архитектурного общества, они смотрят глазами **прохожих** — увидели в этих двух краснокирпичных крепостях совсем другое. И сравнили. Не с Софийским собором. Не с Кремлём. Не с чем-то возвышенным.

Они сравнили башни Геппенера с **Бутырской тюрьмой**.

И, если честно, **что-то общее было**. Тот же красный кирпич. Та же замкнутая, тяжёлая, многоглавая стена. Тот же вид **учреждения, в которое не ходят по своей воле**. Один — по воду. Другой — по приговору.

Так родилась формула, которая будет ходить за Крестовскими башнями все их недолгие годы:

«Тяжелы и неказисты».

Вдумайся в эти два слова. Не «безобразны». Не «уродливы». **Неказисты** — то есть некрасивы по мелочи, неканоничны, негладки. Это слово не отрицает ни пользы, ни труда. Оно как раз и означает: **работает — а глаз не радуется**. Не тот случай, когда строили на площадь. Тот случай, когда строили **на совесть**, — но совесть в тот сезон оказалась не в моде.

Их поставили у самой Рижской заставы — там, где сходятся **Первая Мещанская и Ярославское шоссе**. Они врезались в панораму как два крепких мужика, случайно вставших посреди бального зала. Не потому, что зал их не достоин, — а потому, что они **не умели иначе**: встать прочно, занять своё, держать свой вес и не двигаться.

Они и не двигались. Пятьдесят лет.

А то, что их невзлюбили и спорили о них с самого начала, — это, в общем, **мелочь**. Мелочь, которая всё решит. Потому что спор о вкусе — самый опасный. Он **ничего не стоит** сегодня и **всё решает** завтра. Сегодня — неказисто. Завтра — лишнее. Послезавтра — снести.

Но до этого послезавтра — целая жизнь. Целая история. Вода. Мытищи. Насосная станция. Музей. Канал. Война. И Москва, которой всегда **нужна вода** — и которая всегда **не любит тех, кто её приносит**.

Об этом — дальше.

Глава 2. Вода для Москвы

Чтобы понять, зачем поставили эти две тяжёлые башни, надо начать не с них. Надо начать с **жажды**.

Москва пила из рек — из Москвы-реки, из Яузы, из прудов, из колодцев. И травилась. Столетиями. Вода из Москвы-реки была **мутной, грязной, с примесью всего, чем жил и во что сбрасывал город**. Колодцы давали воду, но не всегда чистую, и никогда — в достатке. Пожары выкашивали улицы, потому что **нечем было тушить**. Эпидемии косили людей, потому что **нечего было пить**.

Так было до конца XVIII века. А потом Москва начала **расти**— и расти быстро.

И тут вспомнили про **Мытищи**.

Ключи под Мытищами били издавна. Чистые, светлые, обильные — они считались в народе **целебными**, и не зря: вода из мытищинских источников была мягкой, почти без примесей. Ещё **Екатерина Побратила** на них внимание, повелев устроить водопровод, чтобы подать эту воду в Москву. Вода шла по подземному кирпичному каналу — **громадному, рукотворному, длиной в двадцать вёрст**. Отсюда всё и пошло: **Мытищинский водопровод**, первая в городе система централизованного снабжения. Вода шла **самотёком**— по уклону, без насосов, медленно, но надёжно.

Но шло время. Москва росла. Ей требовалось **больше воды выше напора**. Старый канал не справлялся. И в 1880–1890-х годах город взялся за **большую реконструкцию** Мытищинского водопровода.

Вот тут и появляются **башни**.

Геппенер строил их в **1892 году**. Смысл был прост, и в нём — вся инженерия того времени.

Воду поднимали из Мытищ на **Алексеевскую насосную станцию**— мощную, паровую, шумную, там, где сегодня Алексеевский район и станция метро «Алексеевская». Оттуда, уже с приданным давлением, вода шла в Москву. И вот где-то на полпути между насосной и центром — **там, где дорога входила в город у Рижской заставы**— нужно было поставить **резервуары**, чтобы:

Во-первых, накопить запас. Город потребляет воду **неравномерно**: утром — пик, днём — спад, ночью — минимум. Насосная не могла мгновенно менять режим. **Резервуар сглаживал**эти волны. Набрал за ночь — отдал утром.

Во-вторых, дать нужный **напор**. Вода в резервуаре, стоящем на высоте сорока метров, приобретала энергию, которой потом можно было **подавать её самотёком** в центральные районы — в Замоскворечье, в Китай-город, в Кремль. Без насосов, без электричества, без паровых машин. Просто — **высота**.

Вот зачем нужны были **два сорокаметровых кирпичных исполина**.

И вот как они работали.

В верхнем ярусе каждой башни — **резервуар на 1850 кубических метров**. Это почти **две тысячи тонн воды** в каждой башне. Четыре тысячи тонн на двоих. Поставь их рядом — это как небольшое озеро, поднятое на высоту двенадцатиэтажного дома, и удерживаемое кирпичной стеной.

Пять нижних этажей башен — **жилые и служебные**. Там жили те, кто обслуживал систему: слесари, механики, смотрители. Там же располагалась **контрольная станция водомеров** — сердце всей учётной системы водопровода. Оттуда смотрели за расходом воды, отсюда видели, как город **дышит** — утром жадно, днём спокойно, ночью еле-еле.

Между башнями — **ажурный мостик**. Тонкая, изящная металлическая перекладина, летящая над Ярославским шоссе. Она соединяла две башни **в единое целое**: техники ходили по ней из одной в другую, дежурили, следили, дышали над проезжающими обозами. Мостик был **единственной изящной деталью** всей этой суровой конструкции. И, возможно, единственной, что нравилась критикам.

Так вода из Мытищ шла в Москву. Через **Алексеевскую насосную** — в **крестовские резервуары** — и дальше, самотёком, по магистралям, в центр. В дома, в бани, в трактиры, в богадельни, в больницы.

Но тут случилось то, что в больших проектах случается чаще, чем хотелось бы.

Башни оказались недостаточны.

Почти сразу после реконструкции стало ясно: **напора не хватает**. Москва стремительно росла вверх — появлялись **многоэтажные доходные дома**, гостиницы, конторы. Пятый, шестой, седьмой этаж — вот уже вода не поднималась. Первые этажи — есть. Верхние — нет. А в старых дворах были **пожарные краны** — и до них тоже не всегда доходило.

Городская управа вкладывала деньги в **Москворецкий водопровод** — новый, из Москвы-реки, с Рублёвской насосной станцией. И это был шаг вперёд. Но и он, как выяснится позже, **особо ситуацию не переломит**. Москве требовался совсем другой источник.

А Крестовские башни **остались**. Со своей водой, с резервуарами, с дежурными, с контрольной станцией. Они не справлялись в полной мере — но работали. Они не были главной частью системы — но были её **честным звеном**.

И вот тут случилось **второе** — уже не инженерное, а городское.

Мытищинский водопровод в целом **работал**. А Ярославское шоссе **стояло**.

Между двумя сорокаметровыми башнями, соединёнными ажурным мостиком, оставалось **двенадцать метров** для проезда. Двенадцать. На главной дороге на север. Каждый обоз, каждый извозчик, каждая пролётка, каждый трамвай — всё это должно было **протиснуться** эти двенадцать метров. Утром — пробка. Днём — пробка. Вечером — пробка. Башни **не только не радовали глаз — они теперь задерживали движение**.

Двойной приговор. Двойная обречённость.

И вот тут-то и начнётся **третья история**. Городская. Про то, как нужное, но неудобное — **убирают**.

Глава 3. Геппенер

Есть архитекторы, чьи имена знают все. Их называют на экскурсиях, им ставят памятники, о них пишут книги. А есть архитекторы, чьи имена не знает почти никто — **но чью работу видит каждый москвич каждый день**. И если первых вспоминают по фасаду, то вторых — **по крану с водой в собственной квартире**.

Максим Карлович Геппенер — **из вторых**.

Родился он **4 июня 1848 года**. Русский архитектор **немецкого происхождения**. В этой формуле — вся его судьба. Немецкая основательность, немецкая точность, немецкая склонность к **прочному и функциональному** — и русская служба, русский город, русская работа **на износ и на век**. Он не был ни Саввой Мамонтовым, ни Шехтелем, ни Бондаренко. Он был **инженером города**. Профессия, которой в учебниках обычно отводят полстроки.

Он состоял членом **Московского архитектурного общества**. Это важно. Это значит, что его знали коллеги, обсуждали его проекты, спорили, критиковали — и всё же **утверждали**. Потому что за ним стояло главное, что ценит любой город, который хочет жить: **надёжность**.

Про почерк Геппенера у коллег была одна устойчивая фраза: **конструкции тяжело-весны и угрюмы**. Не «изящны», не «лёгки», не «воздушны». **Угрюмы**. Это слово звучит как приговор, но прочитаем его **медленно**. Угрюмо то, что **не улыбается**. Что смотрит тяжёлым, ясным, честным взглядом. Что не пытается **понравиться**. Что несёт свой вес **без жалоб и без кокетства**. Такие строят не на **открытку**, а на **десятилетия**.

Москве рубежа XIX и XX века Геппенер сдал **десятки** — ноль провалов, ноль аварий, ноль отказов. Он строил то, что работает круглосуточно, что **никогда не закрывается на обед**:

насосные станции — в том числе Алексеевскую, ту самую, что поднимала воду из Мытищ к Крестовским башням;

трамвайные депо — когда Москва пускала по улицам первый электрический трамвай;

училища и богадельни — потому что город учит и призывает не хуже, чем поит;

канализационные сооружения — потому что нет ничего важнее того, о чём не принято говорить вслух;

и наконец — **водонапорные башни**, краснокирпичные крепости, которые стояли по всей Москве. О них отдельный разговор.

У Геппенера была **простая эстетика**: если строение держит **тонны воды** служит **полвека**, оно **не обязано быть красивым**. Оно обязано быть **последовательным**. Кирпич — так кирпич. Арка — так арка. Металл — так металл. Ничего лишнего. Ничего придуманного. Ни улыбки, ни ужимки, ни жеманства.

Иногда это читалось как **отсутствие воображения**. А иногда — как **отсутствие позёрства**. Разница, между прочим, огромная. И зависит она не от архитектора — от **эпохи, которая смотрит**.

В 1892 году, глядя на Крестовские башни, Москва сказала: **тяжело. неказисто. угрюмо**. Пятьдесят лет спустя, глядя на их пустое место, Москва сказала бы, наверное, другое. Но у Москвы, как и у всякого большого города, память короткая, а вкус изменчивый. В 1892 году она хотела **лёгкого**. Геппенер дал ей **прочное**. Прочное не сразу нравится. Зато потом — держит.

И вот здесь — самое важное, что нужно понять про этого человека.

Геппенер построил **много**. Далеко не всё в центре. Часто — **на окраинах**, там, где город **работает**, а не **гуляет**: за Ярославской заставой, в Сокольниках, в Лефортове, у Преображенской заставы, в Марьине, за Калужской заставой. Он строил **каркас города**, а не его орнамент. Он был архитектором **того слоя Москвы, в котором живут настоящие москвичи**, — а не того, по которому водят приезжих.

И вот тут — **самое главное, что даёт его биография нашей новелле**. Геппенер **не оставил Москве одного шедевра**. Он оставил ей **рабочую систему**. И потому:

У Крестовских башен есть близнецы.

Не по форме — по руке. Не по функции — по времени. Не в центре — **на окраинах**. Там, где город строился **медленнее и незаметнее**, туда рука сноса **не дошла**. Там, где никто не смотрел на перспективу Первой Мещанской, никто и не спорил о том, хороши ли эти постройки. И потому они — **уцелели**.

Эта мысль станет осью всей новеллы. Мы вернёмся к ней ближе к концу. Потому что самое удивительное в судьбе Геппенера — не то, что его **снесли**. А то, что кое-что **устояло**. И мы знаем, куда прийти, чтобы в это устоявшее посмотреть.

Но до этого — сначала разберёмся, **почему сносили**. Потому что одно дело — рука сноса. И совсем другое — **аргумент**, которым эту руку оправдывают.

Глава 4. Никому не нужны

У каждой постройки есть **два срока жизни**. Первый — физический: сколько простоит кирпич. Второй — **смысловой**: сколько город будет считать, что она **нужна**. Обычно второй срок короче первого. И когда он истекает, кирпич ещё стоит — а здания **уже нет**. Просто его пока не разобрали.

С Крестовскими башнями это случилось **в начале 1930-х**. От постройки прошло чуть больше тридцати лет. Для кирпича — юность. Для смысла — старость.

Причина была проста и неотвратима: **в Москве появилась другая вода**.

В 1930-х годах построили **канал Москва-Волга** — грандиозную гидротехническую систему, соединившую Москву-реку с Волгой. Это была стройка эпохи: миллионы кубометров земли, плотины, шлюзы, водохранилища — **Иваньковское, Истринское, Учинское**. Волжская вода, **мягкая, обильная, надёжная**, пришла в Москву и разом сняла вековую проблему. С этого момента городу уже не нужно было поднимать воду из Мытищ, не нужно было накапливать её в крестовских резервуарах, не нужно было гнать её самотёком по старым магистралям.

Канал Москва-Волга **работает и сегодня** — он по-прежнему остаётся одной из важнейших частей водоснабжения столицы. Это к слову о том, что большие инфраструктурные решения живут долго. Но для Крестовских башен это означало одно: **их функция обнулилась**.

Сначала в башни въехал **музей**.

Музей московского городского хозяйства — учреждение, казалось бы, идеально подходящее для такого места. В стенах, где тридцать лет качалась городская вода, рассказывали о том, **как устроено городское хозяйство**: водопровод, канализация, трамвай, освещение, пожарное дело. Кирпичная крепость у Рижской заставы превратилась в **витрину города**. Москва смотрела на себя изнутри — и это было по-своему красиво. Не Софийский собор, не Третьяковка. Но тоже **важно**.

А потом произошло то, что следовало бы назвать **роковой рифмой русской истории**.

Музей из Крестовских башен **перенеслив Сухареву башню**. Другое старинное сооружение — на этот раз петровской эпохи, стоявшее на пересечении Садовой и Сретенки. Нави-

гацкая школа, знаменитая башня, воспетая в очерках Гиляровского. И вот сюда — в Сухареву — переехал музей **из башен крестовских**.

Двум башням, одной — крестовской и водонапорной, другой — сухаревской и петровской, суждено было **не пережить 1930-е**. Сухареву башню снесли **в 1934 году**, несмотря на протесты архитекторов, реставраторов и общественности. Снесли, потому что она **мешала движению** на Садовом кольце. Тот же аргумент, что и у Крестовских, только на десять лет раньше.

Музей переезжал из башни в башню — и обеих нет.

Это не литературный приём. Это факт. И он говорит о времени больше, чем целая монография.

Но вернёмся к Крестовским. К началу 1930-х они **стояли**. И у них были **защитники**.

Нашлись архитекторы, предлагавшие **реконструировать** башни — сохранить, но **переделать**. Внешний вид их тоже не устраивал: слишком тяжёлые, слишком угрюмые, слишком «тюремные». Хотели **сделать красивее**: облегчить силуэт, разгрузить массу, придать изящества. Может быть, добавить декора, может быть — срезать объём, может быть — оформить иначе.

Инициативы эти, как известно, **успеха не имели**.

Почему? Потому что сама постановка вопроса была **безнадёжной**. Если архитекторы говорят: «башни некрасивы, давайте их перделаем» — значит, они **согласились с главным возражением** противников. Они признали: да, они портят вид. Только предлагали не сносить, а **замаскировать**. Но если постройка нуждается в маскировке — рано или поздно кто-то скажет: **а не проще ли её вообще убрать?**

И такой кто-то нашёлся.

Аргумент был **убийственный**. Не «некрасиво». Не «мешает перспективе». А — **двенадцать метров**. На главной магистрали. На Ярославском шоссе, которое к 1930-м превратилось в **важнейшую транспортную артерию** на север. Из Москвы — в Ярославль, в Вологду, в Архангельск. Обозы сменились **грузовиками, автобусами, трамваями**. И всё это **упиралось** в два кирпичных цилиндра, соединённых мостиком.

Двенадцать метров проезда. Это не мелочь. Это **узкое горло города**. И против этого аргумента **не было чем крыть**. Ни жалостью, ни историей, ни памятью. Функция — умерла. Эстетика — спорная. Смысл — исчез. А проезд — **нужен**.

За башни было **некому вступиться**. У них не было общественного ореола. Их не любили с самого начала. За пятьдесят лет к ним привыкли — но **не привязались**. В них не влюблялись, как в храм Христа Спасителя, не спорили за них, как за Сухареву башню. Их считали **архитектурным уродством** с момента постройки. И когда пришло время выбирать между ними и шоссе — выбор был **предопределён**.

И вот здесь мы подходим к самому **честному вопросу** всей истории.

Было ли решение **правильным?**

С одной стороны — да. Башни действительно **мешали**. Двенадцать метров на главной дороге — это не философия, это ежедневная проблема. Значение водопровода обнулилось — держать в центре города **памятник ненужной функции** было бы странно. С архитектурной точки зрения — спорить о них было **нечего**: они не были шедевром, не были каноном, не были образцом стиля.

С другой стороны — **и это тоже надо сказать** — Москва в те годы **не умела сохранять**. Она сносила не только «лишнее». Она сносила и **нужное, и прекрасное, и незаменимое**. Сухарева башня, храм Христа Спасителя, Красные ворота, Китайгородская стена, десятки церквей и палат — всё это **уходило** под теми же лозунгами: мешает, не нужно, портит вид, тормозит движение. Крестовские башни **не единственная жертва** эпохи. И это важно

понимать. Потому что **судьба одной постройки**никогда не решается **в одиночку**— она решается в рамках того **целого**, в котором эпоха действует.

И тогда получается, что правильность решения зависит **не от башен**, а от **эпохи**, которая их судила. А эпоха эта была **жестокой к памяти**. И потому — даже если решение по Крестовским башням было **разумным**— оно было **вынесено рукой, которая в те годы уничтожила ещё десятки храмов и палат**. И это меняет тон вопроса. Мы не можем сказать «правильно» или «неправильно». Мы можем только сказать: **так было**. И **понимать, в каком контексте это было**.

Оставалось **дождаться 1940 года**.

Глава 5. 1940

Их разобрали в 1940 году.

Не взорвали — **разобрали**. По кирпичу. Аккуратно, методично, в рамках **реконструкции Ярославского шоссе**, которая шла тогда по всей Москве. Это было время больших расширений: улицы выпрямляли, магистрали уширяли, площади раскрывали. Ярославское шоссе требовало места — и Москва дала ему это место. Двенадцать метров проезда превратились в нормальную широкую дорогу. А два сорокаметровых кирпичных исполина — **исчезли**.

Не сохранилось ничего. Ни фрагмента, ни фундамента на поверхности, ни хотя бы **точной фотографии** последних дней. Есть открытки, есть кадры 1920–30-х, есть планы — но **момента сноса** почти нет. Москва словно **не заметила**, как это произошло. Не было ни протестов, ни статей, ни писем в защиту. Не было толпы у ограды. Не было **ничего**, что сопровождает уход чего-то действительно любимого.

Такова судьба **непопулярных построек**. Их сносят **тихо**. Не потому, что враги торжествуют, — а потому, что **некому горевать**.

И всё-таки что-то в этой истории должно быть сказано **отдельно**.

Разбирали башни **люди**. Строители, рабочие, техники. Те самые, кто всю жизнь ходил под этими сводами, кто поднимался на сорок метров по крутым кирпичным лестницам, кто дежурил в контрольной станции водомеров, кто пил воду **из собственных резервуаров**. Для них это были **не памятники архитектуры**. И **не уродства**, которые «портят перспективу». Это были **стены их жизни**. Дом. Работа. Привычка. Воздух.

И вот эти люди своими руками **разбирали** то, среди чего прошли годы. Кирпич за кирпичом. Слой за слоем. **Сорок метров вниз**.

Никогда не надо думать, что такие вещи делаются **без чувства**. Делаются — потому что **надо**. Потому что приказ. Потому что дорога нужна **всем**. Потому что время так решило. Но в промежутке между снятым кирпичом и опущенной на него рукой — есть **тишина**. И эта тишина — **самая честная память** башнях. Без слов, без протестов, без историков. Просто люди, которые убирают **часть себя**, потому что кто-то **сверху** сказал: так надо. И они **знают**, что так надо. И от этого **не легче**.

Утром следующего дня через это место шли обозы. Через месяц — машины. Через год — ничего не напоминало о том, что здесь **что-то было**.

Но вот в чём **главное**.

Максим Карлович Геппенер строил в Москве **не один раз**. Он оставил городу **десятки сооружений** — промышленных, водопроводных, транспортных, служебных. И уцелели не те, о которых спорили. Уцелели те, о которых **никто не спорил**. Те, которых **никто не замечал**. Те, что стояли **вдали от проспектов, за заборами предприятий, на окраинах, куда не доходил вкус города**.

Одно из таких мест — **Марьино**.

Марьино лежит на левом берегу Москвы-реки, в Юго-Восточном округе. Название своё оно получило от **деревни Марьино**, стоявшей когда-то в районе пересечения улиц **Перерва и Подольская**. Есть предположение — и оно красиво, даже если не доказано, — что деревня была названа в честь **княгини Марии Ярославны**, матери **Ивана III**, той самой, при которой Москва собирала русские земли. Мария Ярославна, как говорят, **организовала здесь поселение**. И деревня входила в **Коломенскую казённую волость**.

Так имя одной женщины, жившей **пятьсот лет назад**, и по сей день стоит на карте Москвы — как имя района, как имя платформы, как имя **места, где сохранилось эхо руки Геппенера**.

На улице **Нижние Поля** до сих пор стоит **старая водонапорная башня**. Построена в **1901 году**. Стиль — **модерн**. Автор, предположительно, — **тот же Максим Карлович Геппенер**. Башня **недействующая, но цела**. Стоит на охраняемой территории какого-то предприятия, и подойти к ней близко **невозможно**. Её видно **издалека** — но нельзя потрогать. Нельзя обойти вокруг. Нельзя подняться наверх.

Постой на этом месте.

Мы начали новеллу с двух крепостей в центре Москвы, на Рижской заставе, через которые город **шёл каждый день**. Их смотрели, о них спорили, их сравнивали с тюрьмой — и их **снесли**.

А теперь у нас одна башня **на окраине**, за забором, мимо которой **никто не ходит**. Её **не замечают**. О ней **не спорят**. И она — **стоит**.

Это не случайность. Это **закон города**. То, что **на виду**, всегда рискует. То, что **в тени**, — доживает. И память о Геппенере сохранилась не в тех башнях, за которые он получил критику, а в тех, о которых он, наверное, и не думал, что они переживут его главные проекты.

На **Нижних Полях, 15**, строение 1 сохранилось ещё одно здание — **бывшая Люблинская станция аэрации**: техническая контора и квартиры служащих. Построено в **1901 году**. Тоже модерн. Тоже, предположительно, Геппенер. Тоже **уцелело**. Стоит среди **остатков садовой** самой станции аэрации — там, где когда-то работала городская канализация, а сегодня тихо шумят старые деревья.

Станция аэрации — это место, где **очищают воду**. Водопроводная башня — это место, где **дают воду**. Две функции одной судьбы. Две постройки одной руки. Обе — **на окраине**. Обе — **в стиле модерн**, а не в кирпичной эклектике Крестовских. Обе — **не для показу, а для дела**.

И обе — **дошли до нас**.

Вот в чём **горькая ирония** всей этой истории.

Москва снесла Крестовские башни, потому что они **мешали**. Она снесла их, потому что их **не любили**. Она снесла их, потому что функция их **умерла**. Всё это — **логично**. И всё это — **неполно**. Потому что по той же логике следовало бы снести и **башню на Нижних Полях** — она тоже отслужила, тоже не нужна, тоже стоит на территории предприятия. Но её **не тронули**. Не из уважения к Геппенеру. Не из любви к модерну. А потому что **никто о ней не помнил**. И это её спасло.

Так Москва сохраняет **не то, что защищает**, а **то, что забывает**. И в этом — **вся её суть**: город, который живёт **быстро**, не оглядываясь, и который поэтому **теряет** так же быстро, как **приобретает**. Крестовские башни погибли дважды: сначала когда их разлюбили, а потом когда их разобрали. Марьинская башня живёт дважды: сначала потому, что её построили, а потом потому, что про неё **забыли**.

Парадокс. И, пожалуй, единственный честный вывод, какой из этой истории можно сделать.

Эпилог. Рижская

Приезжайте на **станцию метро Рижская**. Выходите на поверхность. Пойдите.

Сегодня это **шумный перекрёсток**: Третье транспортное кольцо, проспект Мира, крестовский путепровод, выходы метро, стеклянные фасады, реклама, поток. Здесь **не смотрят вверх**. Здесь смотрят **перед собой**— потому что вокруг машины, светофоры, люди, эскалаторы, спешка.

Между тем именно **здесь** стояли сорок метров красного кирпича. Здесь между ними летел **ажурный мостик**. Здесь двенадцать метров проезда превращались в **узкое горло** главной дороги на север. Здесь качались **две тысячи тонн воды** в каждом резервуаре. Здесь ходили по крутым лестницам дежурные, следили за водомерами, дышали над ободами из-за перил.

И ничего **не осталось**.

Ни камня. Ни знака. Ни надписи. Ни мемориальной доски. Просто **асфальт**. Просто **развязка**. Просто **место, которое ничем не напоминает о том, что здесь было**.

Может быть — и это честно — **не надо напоминать**. Крестовские башни не были шедевром. Их не любили. За них никто не боролся. Они действительно мешали движению, действительно стояли поперёк магистрали, действительно несли в себе противоречие. Всё так.

Но **память — не медаль**. Память нужна **не за заслуги**. Память нужна, потому что **город — это не только то, что стоит сейчас**. Город — это ещё и **то, что было**. И если из Москвы убрать всё, что «мешало» и «не радовало глаз», — от неё останется **одна транспортная схема**. Быстрая, чистая, мёртвая.

Крестовские башни **учили Москву**— задолго до того, как это стало нормой, — что у города есть **слои**. Что под асфальтом и под рельсами лежит **кирпич**. Что вода, которая приходит в дом сегодня, шла когда-то **через эти две крепости**. Что тот, кто жил в этих стенах, — **наш прадед**. Что, кроме скорости, у города есть ещё и **глубина**.

Эта глубина — и есть единственное, что связывает нас с людьми, которых мы никогда не увидим. Убрать её — значит **сжечь мост**, по которому мы сами себя узнаём.

Но у этой истории есть **вторая точка**. Не в центре. На окраине.

Поезжайте в **Марьино**. Найдите **улицу Нижние Поля**. Дойдите до **дома 27, строения 11**.

Скорее всего, вы **не сможете близко подойти**. Башня стоит на охраняемой территории. Забора. Проходной. Вас **не пустят**. Вы **будете стоять поодаль** — и видеть её **из-за ограды**. Тонкий, высокий, стройный силуэт **модерна**. Не крепость. Не цилиндр. Свой собственный, ни на что не похожий **голосуки** Геппенера — тот, который в центре города звучал как «угрюмо», а на окраине оказался **тихим и правильным**.

Эта башня стоит с 1901 года. Сто двадцать пять лет. Она видела, как рядом прошла железная дорога, как появилась **станция аэрации**, как город наступал с севера, как строились пятиэтажки, как встали новые дома, как открылось метро. Она видела, как в **1940-м** разбирали её знаменитых сестёр у Рижской заставы — а её **не тронули**. Тогда, наверное, никто и не вспомнил. Просто **не дошли руки**. Просто **не смотрели в её сторону**.

И она **дожила**.

Рядом — **Люблинская станция аэрации**, 1901 год, тоже модерн, тоже предположительно Геппенер: контора и квартиры служащих. Стоит среди старых садов. Тихая. Забытая. Рабочая. **Стоящая**.

И вот что здесь важно понять.

Геппенер не исчез. Не потому, что Москва одумалась. Не потому, что память победила. А потому, что **город хранит не то, что читит, а то, что не успел уничтожить**. И это — не утешение. Это **диагноз**. Москва — город, который **постоянно перестраивается**, и в этой перестройке у неё нет стратегии сохранения. Есть **удача**. Есть **случайность**. Есть **забывчивость**, которая оказывается **милосерднее сознательной памяти**.

Крестовские башни **исчезли**, потому что о них **помнили** — и помнили, что они **не нравятся**. Марьянская башня **уцелела**, потому что о ней **забыли**. Так работает московское время. Не выбирая, не спасая, не судя. Просто **идя дальше** — и оставляя в стороне то, что попало на обочине.

Скажу честно: **я не знаю, правильно ли это**.

С одной стороны — башня Геппенера **есть**. Ты можешь её увидеть. Она — **аргумент**. Она — **подпись** на ещё не выброшенной странице. Она — доказательство, что рука, оставившая Москве десятки промышленных сооружений, **не полностью потеряна**. В модерновом силуэте на Нижних Полях живёт тот же архитектор, что строил крепости у Рижской заставы, — только **тише, уверенней, без вызова**. И эта разница — между эпохой, которая спорила с Геппенером, и эпохой, которая **про него забыла**, — стоит целой книги.

С другой стороны — **Крестовских башен нет**. И то, что говорит их отсутствие, важнее, чем то, что говорит их присутствие. Сорок лет. С двенадцатиметровым горлышком. С критикой, с нелюбовью, с музеем, с каналом, с реконструкцией — а потом **ничего**. Даже **фотографии** сносом толком не сохранилось. Это значит, что Москва не **хоронила** их. Она просто **переехала через них**. И это — **самая точная характеристика города**, которую только можно вообразить.

Что остаётся нам?

Остаётся **знать**. И **ходить**.

Ходить на Рижскую и **вспоминать**, что здесь стояли две крепости. Ходить в Марьино и **смотреть** на башню Геппенера из-за забора. Смотреть на Люблинскую станцию аэрации. Замечать, что **между одной утратой и одним спасением** — не пропасть, а **случайность**. И что **случайность** — единственное, что хранит Москву от полного исчезновения её самой.

Есть города, которые **помнят целенаправленно**. Есть города, которые **помнят случайно**. Москва — **из вторых**. И жить с ней — это жить **с открытыми глазами**, потому что **закрытые глаза её тоже теряют**.

Две крепости у Рижской заставы качали воду для Москвы **почти пятьдесят лет**. Их называли тяжёлыми, неказистыми, угрюмыми. Их сравнивали с тюрьмой. Их разобрали по кирпичу. По ним проехало Третье транспортное кольцо. По ним ходит метро. Их **нет**.

А в **Марьин**е стоит другая башня. Другая эпоха, другая рука того же мастера, другая судьба. Она **не любимица** города. Она **не памятник**. Она **не нужна** никому, кроме тех, кто случайно о ней

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.